

...Книга «Искусство фельетона», вероятно, не прекратит тех жарких схваток вокруг проблем жанра, которые ведутся давно. Спор наверняка

будет продолжен. Но после выхода в свет работы Е. Журбиной он должен будет вестись на новом уровне.

Д. НИКОЛАЕВ

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ П. КАТЕНИНА *

Вышедший в «Библиотеке поэта» сборник «Избранных произведений» П. Катенина представляет собой наиболее полное собрание его сочинений. В него вошли произведения, с которыми наш читатель не был знаком: поэма-сказка «Княжна Милуша», драматические отрывки, эпиграммы.

Сборнику предпослана вступительная статья Г. Ермаковой-Битнер, являющаяся, в сущности, биографией Катенина. Биография эта составлена умело, вдумчиво, с привнесением обширного фактического материала, в том числе и рукописного (см., например, стр. 12, где по рукописи, хранящейся в архиве Института русской литературы, воспроизводится интересный диалог Катенина и великого князя Михаила Павловича). Слабее освещен в статье последний период жизни Катенина. Правда, сведений об этом периоде сохранилось мало, но тем большую ценность они представляют. Мне бы хотелось к этим немногим фактам добавить интересное предание о последних словах Катенина.

Поэт, умиравший на руках своего крестника Вячеслава Пяткина, сказал ему: «Ах, Славушка, как хорошо умирать весною, в мае...» Эти слова были записаны основателем кологривского краеведческого музея К. И. Камайским, их сообщила ему дочь

В. Пяткина; с этими словами составитель сборника, искавший материалы в Костроме и Кологриве (см. стр. 660), мог бы ознакомиться, работая в рукописных фондах кологривского музея. Безусловно, это заставило бы по-особому прочесть стихи из «Княжны Милуши» (песнь третья, строфы 7 и 8), в которых тема весны переплетается с темой смерти.

Однако вступительная статья, на наш взгляд, наряду с биографическими материалами, должна содержать и анализ художественного мастерства писателя. К сожалению, этого в статье Г. Ермаковой-Битнер мы не найдем, в ней есть лишь общеизвестные сведения о Катенине-поэте.

Что же касается примечаний, то они порой грешат излишними «биографизмами», то есть упрощенно-прямолинейным толкованием и комментированием поэтических образов при «помощи» биографических данных. У Катенина русский воин, герой «Старой были», вспомнил о своей возлюбленной Всемиле: «Теперь не разбудишь Всемилы»; в примечаниях читаем: «...под этим именем подразумевается умершая невеста Катенина» (стр. 686). В «Элегии» герой грустит, «сидя у берега реки», и это дает повод комментатору сообщить: «Дом Катенина в г. Кологриве, сохранившийся до наших дней, стоит на крутом берегу реки Унжи» (стр. 688). Сразу становится ясно, что элегиче-

* П. А. Катенин, Избранные произведения, «Библиотека поэта». Большая серия, М.—Л. 1965, 743 стр.

ский герой — в «переносном смысле» сам Катенин, и грустит он о своей умершей невесте, которую на этот раз называет Эгемоной, а не Всемилой. Столь же прямолинейны и неверны аналогии между князем Святославом и «кем-то» из декабристов; львом, украшающим престол, и Бенкендорфом (стр. 686).

Значительная работа проделана Г. Ермаковой-Битнер по подготовке текстов. В сборник вошли эпиграммы Катенина (опубликованные составителем еще в 30-х годах в «Ученых записках Ленинградского университета»), впервые публикуется перевод отрывка из трагедии Корнелия «Ариадна». Полностью напечатаны поэма «Княжна Милуша» (в предшествующем издании стихотворений Катенина были представлены лишь отрывки из поэмы) и перевод трех песен «Ада» Данте, изданные еще при жизни поэта; эти вещи давно уже стали библиографической редкостью.

Но и в подготовке текстов есть недостатки. Во-первых, не все источники могут быть признаны авторитетными. Так, составитель использовал в качестве источника экземпляр «Сочинений и переводов» Катенина, принадлежащий В. Орлову. В свое время, сообщает Г. Ермакова-Битнер, В. Орлов ознакомился с экземпляром «Сочинений и переводов» Катенина, содержащим авторскую правку, и перенес исправления Катенина на свой экземпляр. Экземпляр с автографами Катенина утерян, копии же В. Орлова сохранились и послужили источником для составителя рецензируемого сборника. Почему мы не можем считать этот источник авторитетным? Прежде всего потому, что сам В. Орлов не воспользовался им при подготовке издания стихотворений Катенина (1937 и 1954 годов). Ничто, пожалуй, не может так

поколебать веру в источник, как пренебрежение к нему со стороны его же владельца. Во-вторых, исправления, с которыми Г. Ермакову-Битнер познакомил В. Орлов, касаются стихов, в полном смысле слова вошедших в историю русской литературы, — сильных, острых, смутивших и возмутивших узколобую критику. Так, в результате этих исправлений из баллады «Убийца» исчез стих, высоко оцененный Пушкиным: «Да полно, что! Гляди, плешивый!» (обращение убийцы к месяцу), — из баллады «Леший» пропал стих: «Там ядовитый скрыт мухомор», также вызвавший в свое время много разноречивых толков. Почти через двадцать лет после написания этих стихотворений Катенин в точности воспроизвел их в «Сочинениях и переводах». Поэтому мы имеем все основания требовать самых веских доказательств того, что Катенин действительно впоследствии устранил эти строчки.

Далее. Г. Ермакова-Битнер повторила ошибку, допущенную в предшествующих изданиях Катенина и сборниках декабристской поэзии: в припеве революционного гимна «Отечество наше страдает» пропущено слово «отныне» («Свобода! Свобода! Ты царствуй отныне над нами» (см.: Ф. Ф. Вигель, Записки, М. 1892, ч. 6, стр. 17). Пропущенное в силу какого-то странного недоразумения слово должно быть восстановлено.

И еще одна традиционная ошибка: в «Инвалиде Гореве» не везде правильно расставлены ударения. В результате искажаются и размер и смысл. Например:

Лучше бы: жил бы сам по себе и большего
В доме не знал, и хлеб бы ел не хозяй-
ский.

Ударение поставлено неправильно: в «Инвалиде Гореве» в каждом сти-

хе предпоследний слог ударный, третий же от конца — безударный. В «Библиотеке для чтения» (1836, № 7), где впервые была напечатана поэма, в этом месте есть слово «большаго»; по современному правописанию следовало бы дать «большого», а не «большего». «Большой» (а не «больший») здесь в значении, близком к пушкинскому: «Да щей горшок, да сам большой».

Еще ошибка: «Портý — черный плис, сапожкí с оторочкой...» Первое слово в каждом стихе должно иметь первый ударный слог: портý, а не портí. Иначе получается четырехстопный амфибрахий, а должен быть пятистопный дактилический размер. В. Орлов назвал размер «Инвалида Горева» гекзаметром («Стихотворения», 1954, стр. 48). Это неверно: гекзаметр предполагает шесть стоп, Катенин же в «Гореве» придерживается пятистопного размера. Г. Ермакова-Битнер не повторяет ошибки В. Орлова, но и не исправляет ее.

Неверно, на наш взгляд, решается вопрос и о катенинских октавах. Отметив, что они отличаются от октав Жуковского, Г. Ермакова-Битнер приходит к неожиданному заключению: «На сторону Катенина в вопросе об октаве встал впоследствии Пушкин. В «Домике в Коломне» и «Осени» он применил катенинский вариант октавы» (стр. 678). Отнюдь нет, Пушкин «применил» как раз вариант Жуковского и внес в него лишь одну поправку: у Жуковского все октавы начинаются женским стихом, у Пушкина же поочередно — одна октава женским, другая — следующая — мужским. Во всем остальном расположение рифм у Пушкина и Жуковского совпадает, сводится к единой формуле: АБАБАБСС. А у Катенина: АБАБССДД, что лишь условно может быть названо октавой.

Если уж «хвалить» Катенина за его опыты с итальянскими строфами, то лучше говорить не об октавах, а о терцинах. Катенин переводил «Ад» Данте, переводил едва ли не первый в России правильными терцинами. Мастерскому переводу трех песен «Ада» предшествовал менее удачный перевод отрывка из 33-й песни (эпизод с Уголино). Так, Катенин либо не уловил намека Уголино, дающего понять, что он, Уголино, мучимый голодом, ел трупы своих детей перед смертью (за что и попал в ад), либо сознательно опустил это место. Не поняли этого и многие комментаторы Данте, считавшие, что поэт «поселил» в аду своего политического противника, как бы сводя с ним политические счеты (трагедия человеческого падения осталась непонятой, незамеченной). Комментарий Г. Ермаковой-Битнер в этом смысле ничем не отличается от многих других. Три первые песни «Ада» были переведены Катениным десять лет спустя после «Уголино». В этом почти безупречном переводе нам удалось обнаружить всего одну неточность, отклонение от духа подлинника: «Входящие! надежды нет для злого», — переводит поэт одну из надписей на вратах ада, делая ее какой-то слишком нравоучительной (как будто бы Данте оставлял какую-то надежду для доброго!). Обстоятельный комментарий к катенинскому переводу «Ада» с анализом его достоинств и просчетов был бы, на наш взгляд, очень уместен в «Избранных произведениях» Катенина.

Как мы видим, издание не лишено недостатков. Но отраден факт появления в свет сочинений Катенина, — ведь всякому, кто любит литературу, поэзию, дорог и интересен Катенин, поэт-декабрист, друг Пушкина.

А. ИЛЮШИН